

*Посвящается маме и папе.
Спасибо за то, что дали свободу
и поддерживали мою любовь
к писательству.*

Өдүн

В столице царило безмолвие. Обычно на дороге перед дворцом Чхандок¹ уже с раннего утра было не протолкнуться: у прилавков с рыбой толпились женщины, сновали туда-сюда земледельцы с овощами и фруктами, расхаживали ученые в шелковых одеяниях и монахи с четками на шеях, без усталости гонялись друг за другом дети с обгоревшими, липкими от жары лицами. Но не сегодня.

— Как вы считаете, полицейский Кён, слухи не врут? — По черным черепичным крышам стучал дождь. Я надвинула соломенный саткат² на лоб, и капли воды покатались с его остроконечной вершины к широким полям. — Короля действительно убили?

Под ногами усталых стражей порядка хлюпала грязь.

¹ Дворец Чхандок (кор. 창덕궁) — дворцовый комплекс в Сеуле, Южная Корея. Один из пяти больших дворцов, построенных королями династии Чосон. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Саткат (кор. 삿갓) — коническая шляпа из листьев, текстиля или соломы для защиты от дождя и солнца.

Кён — самый молодой среди полицейских, шедший последним в строю, — бросил на меня через плечо яростный взгляд:

— Следи за языком. Ты больше не в своей деревне, а в столице.

Он говорил об Инчхоне. Несколько месяцев назад я покинула родной дом и приехала в столицу, чтобы стать полицейской тамо¹ — крепостной служанкой, девочкой на побегушках.

— Но, э, вот что я тебе скажу, — полицейский Кён оглядел серую улицу и поправил пояс черной полицейской формы. — Когда король Чонджо² умер, с горы Самгак донеслись ужасные рыдания, а солнечные лучи сплелись, взорвавшись снопом искр.

— Предзнаменование? — прошептала я.

— И *плохо*. Старым порядкам настал конец, на смену им придут новые — и прольются реки крови.

Король был мертв, и нашим жизням суждено было измениться. Об этом поговаривали даже полицейские, которым я подавала вино. Их разговоры о политике и государственных изменах вызывали во мне целую бурю эмоций. Даже в тот момент, когда мы по приказу инспектора направлялись на место преступления, я не могла думать ни о чем другом.

¹ Тамо, или дамо (*кор.* 다모) — женщины на государственной службе во времена династии Чосон. В социальной иерархии Кореи они считались даже ниже рабов; их главной обязанностью было разносить чай («тамо» переводится как «чайная служанка»). В полиции тамо расследовали дела, связанные с женщинами, т. к. для мужчин многие взаимодействия с женщинами считались неприличными.

² Чонджо (1752–1800) — 22-й король государства Чосон, один из самых выдающихся правителей Кореи.

— Давай-ка расскажу тебе кое-что о столице, новенькая. Тут все хотят только одного — власти. За-
владеть ею или же упрочить. — Кён цокнул язы-
ком и отмахнулся от меня: — Хотя зачем там все
это знать? Женщинам вообще не положено болтать
столько, сколько болтаешь ты.

Меня кольнула досада. Он, конечно, прав — хотя
я пока не считала себя женщиной. Мне было всего
шестнадцать. Тем не менее я уже знала, что одним
из семи женских грехов является чрезмерная разго-
ворчивость. Мужчина был вправе даже развестись
с женой, если та слишком много болтала.

В своем желании разбираться во всем на свете я ви-
нила старшую сестру. Для служанки она была необык-
новенно умна: знала множество буддийских и конфу-
цианских стихов, однако всячески старалась скрыть
это от меня и односельчан. Я вечно тянула ее за длин-
ный рукав и просила рассказать что-нибудь еще, а она
вырывалась со словами: «Лучше тебе этого не знать.
Не выделяйся, не проявляй любопытства и тогда про-
живешь долго, Соль». Раньше я ненавидела ее за это,
но теперь начинала понимать. В последнее время мое
любопытство навлекало на меня одни неприятности.

— Эй, ты!

Я подняла глаза. Из-под широких полей чер-
ной полицейской шляпы на меня смотрел инспектор
Хан. Бусы, нанизанные на завязки, свисали у него
под подбородком, колеблясь под проливным до-
ждем. За его спиной я увидела мужчин, которые,
должно быть, приехали на место преступления до
нас: двух полицейских, помощника прозектора, су-
дебного клерка и полицейского художника. Я поспе-
шила к инспектору. Краем уха слышала бормотание
полицейских, с которыми сюда прибыла:

— Караульный нашел.

— Когда?

— Под конец дежурства на Южных воротах.

Я сложила руки перед собой и поклонилась инспектору Хану — даже ниже, чем следует. Немногие были достойны увидеть верх моей шляпы, и инспектор Хан входил в их число. Он напоминал мне большого пятнистого леопарда, который водился в моей деревне: быстрый мускулистый охотник, превосходно умевший прыгать, лазать и бесшумно пробираться сквозь заросли, не потревожив практически ни одной травинки.

— Вы меня вызывали, инспектор, — заговорила я.

— Взгляни на нее.

Он указал на бугорок в нескольких шагах от нас. Я зашла в тень от стены, которая окружала столицу Чосона, город Ханян¹. Эта стена была такой высокой, что заслоняла горы, и такой толстой, что захватчикам понадобилась бы тысяча лет, чтобы разрушить ее. Однако, сколь бы опасным ни был мир снаружи крепости, похоже, внутри тоже крылась угроза.

Я подошла к распластавшейся лицом вниз женщине. Желудок судорожно сжался. Судя по одежде — длинному платью и жакету из шелковистой рами², богатому цветочному узору на подоле и рукавах, — она была из знатного рода.

— Переверни ее, — приказал инспектор Хан. — Надо взглянуть на рану.

Я перешагнула через труп, наклонилась и приподняла женщину за плечо. Именно поэтому в сто-

¹ Ханян (*кор.* 한양) — название Сеула с 1394 до 1948 г.

² Рами — ткань из китайской крапивы.

личной полиции и держали служанок вроде меня: моими руками полицейские арестовывали преступниц и осматривали пострадавших женщин. Конечно, это во многом мешало расследованиям, но что делать: мужчинам было запрещено касаться женщин, не связанных с ними родством. Таков был закон — закон Конфуция.

Я перевернула труп. Зашелестела объемная юбка. К моему рукаву прилипли длинные мокрые волосы, и я чуть не отскочила от тела.

Только бы не закричать.

Я закрыла глаза. В груди гудела паника. Я работала в полиции всего несколько месяцев и ни разу в жизни еще не дотрагивалась до убитых. Глубоко вдохнув, я убрала с рукава влажные пряди и заставила себя снова опустить взгляд. На белом воротничке алела кровь. По бледному горлу женщины тянулся глубокий порез с рваными краями. Ее глаза застлала пелена, а на лице, там, где когда-то был нос, зияла окровавленная пещера — как у скелета.

— Ударили в шею, — констатировал инспектор Хан. Он указал на привязанное к юбке жертвы украшение, похожее на кисточку. — Норигэ¹ не украли, да и заколка все еще на месте. Это не ограбление. А что у нее там под левым плечом?

Я приподняла ее плечо. Под ним лежал маленький окровавленный нож с серебряной рукояткой...

¹ Норигэ (кор. 노리개) — традиционное корейское украшение из нитей с плетеными узорами и узлами, дополненное бусинами или ювелирными украшениями и большими разноцветными кистями. Использовалось для украшения одежды.

Я посмотрела на норигэ жертвы. Приглядевшись, поняла, что на нем было серебряное пхэдо¹. Мои руки двинулись сами по себе. Я взяла орудие убийства и вложила его в ножны, украшенные бирюзовыми камнями.

— Это был ее нож, — хмуро прошептал инспектор. — Отдай его клерку.

Я выполнила приказ, ошарашенная тем, что собственный декоративный ножик жертвы стал причиной ее смерти.

— А теперь найди ее хопэ.

— Нэ².

Я провела пальцами по одежде женщины, зарылась рукой в ее юбку и достала желтую табличку из тополя. По закону все в Чосоне были обязаны носить такие таблички. На деревяшке виднелись символы: скорее всего, имя владельца, место его рождения, статус и место жительства. Не могу сказать точно, для меня все эти значки были похожи на бессмысленные мазки кисти. Наверное, это ханча, классические китайские иероглифы, официальная письменность нашего королевства — что это еще могло быть? В хангыле, нашей родной письменности, было куда больше кружков и прямых линий.

Я положила табличку в протянутую руку инспектора и подняла голову, надеясь по его виду угадать, что он думает. Тем не менее мой взгляд остановился на подбородке мужчины: я помнила, что не следует так смотреть на тех, кто выше меня по статусу. Я до сих пор не знала, какого цвета глаза у инспектора Хана.

¹ Пхэдо (кор. 佩刀) — маленький нож «чандо» для украшения и защиты чести.

² Нэ (кор. 네) — «да», выражение согласия по-корейски.

— Юная госпожа О, дочь члена правительства
О. Всего девятнадцать лет.

Среди полицейских пронесся ропот.

— Бедняжка, так рано умерла, — проговорил кто-то. — Бьюсь об заклад, ее убил кто-то из врагов отца. Слишком многие не любят членов «южной партии»...

Пока они тихо делились догадками, я подняла труп и понесла его к деревянным носилкам, которые держали полицейские Кён и Го. Только мне, девчонке-тамо, было позволено дотрагиваться до трупа женщины.

От боли в груди я сжала челюсти. За последние несколько дней мы увидели невероятное количество трупов, но все это были слуги и простолюдины. Полицейские относились к их телам все равно что к мясным тушам. Однако теперь все изменилось. Их потрясло убийство девушки из знатной семьи.

Еще один рывок — и я почувствовала болезненно-сладкий аромат смерти. Казалось бы, запах для меня не новый: я ведь раньше охотилась с луком на кроликов и птиц. Помогала их освежевывать. Тем не менее сейчас он отдавал одновременно зверьем и плесенью. Напрягшись в последний раз, я положила женщину на носилки и тут же отступила подалее от источника ужасного запаха.

— Старший полицейский Сим, допросите вместе с Кёном караульного, — прогремел сквозь шум дождя голос инспектора Хана. — Все остальные — обойдите сначала гостиницы, потом дома. Должны же остаться какие-то свидетели... — Он прервался, затем произнес: — Ты.

Я поднялась на ноги. Колени были влажными от грязи.

— Я, господин?

Инспектор Хан кинул на меня еще один взгляд и взобрался на коня.

— Да, ты. За мной.

Я кинулась следом. Грязь из-под мощных лошадиных копыт тотчас запачкала мне юбку и рукава. Должно быть, простолюдины услышали топот, потому что они все разом упали на землю, прямо лбом в грязь, как велели традиции. Инспектор Хан был не только аристократом, но еще и военным чиновником пятого ранга. Не каждому знатному мужчине дано достичь таких высот. И никто не посмеет не поклониться такому человеку.

А я?

Я была рождена служанкой и принадлежала к пальчон — «восьми подлейшим сословиям». Это был низший класс, в который входили монахи, шаманы, шуты, мясники и тому подобные. Мы все в той или иной степени считались «грязными».

А я все равно представляла, что они кланяются мне.

* * *

Старшая сестра вечно ругала меня за то, что я веду себя словно китайская императрица. В детстве я всегда требовала внимания: я была уверена, что достойна большего — большей любви, большей признательности, большей доброты. Откуда только у служанки взялись подобные мысли?

Мой образ жизни должен был научить меня, что мир жесток и лучшего я не заслуживаю. Я познакомилась со смертью еще до того, как научилась ходить. Говорят, мой отец умер от голода, и — я сама этого не помню, мне рассказывали — во сне я часто

пересчитывала ему ребра. Несколько лет спустя моя мать пыталась сброситься с утеса в море, но разбилась о скалистый берег. А когда мне было семь, я увидела юную госпожу Ыну из дома Нам, которую считала своей подружкой (хотя на самом деле я была всего лишь служанкой ее семьи), покрытую шелковым покрывалом — холодную и неподвижную. Однако почему-то образ «китайской императрицы» прилип ко мне, как колючий репейник, и не отлипал до тех пор, пока три месяца назад не произошло кое-что.

Меня поймали на попытке сбежать из полицейского ведомства. Я хотела скрыться от царившей там мешанины рук, ног, пронзительных криков — и от поймавшего меня дозорного в том числе. В тот день (то был четвертый день моего ученичества) я получила вести о том, что старшей сестре стало хуже, и мне во что бы то ни стало захотелось исполнить данное ей обещание. До чего я была глупа: решила, что смогу взять и так просто сбежать! Полиция преподала мне хороший урок. Меня наградили ожогом от раскаленного железа, как делали в древности, и теперь мою левую щеку украшал шрам в виде ханчи «би». Служанка.

Я дотронулась до левой щеки. Там, где рана зажила, кожа была плотной и неровной. На меня нахлынули отвратительные воспоминания. Как же мне хотелось тогда умереть! Я не представляла, как жить с таким позором. Впрочем, это желание быстро прошло. Пока у меня была цель — выполнить просьбу старшей сестры, — в моей жизни еще имелся хоть какой-то смысл.

«Останься в Ханяне, — умоляла она, — найди могилу нашего брата Инхо».